

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович
Амфитеатров

**«Революции ради
юродивая»**

«Прочитал в «Сегодня» о кончине М. В. Ватсон. Откровенно сказать, я уже лет семь почитал ее отошедшею из мира сего в пребывание «со духи праведны». В газетах – ошибкою – было, и опровержений не последовало. А было даже не о смерти, но уже о каком-то безобразии, якобы учиненном беспризорными или иными подсоветскими хулиганами над ее могилою на петербургском Волковом кладбище. Помню, я тогда еще подивился, как же это вышло, что мы, зарубежники, проморгали смерть такой замечательной, единственной в своем роде женщины и узнаем о ней только из заметки о кладбищенских непорядках?..»

**Амфитеатров Александр
Валентинович
«Революции ради
юродивая»**

(Мария Валентиновна Ватсон)

Прочитал в «Сегодня» о кончине М. В. Ватсон. Откровенно сказать, я уже лет семь почитал ее отошедшею из мира сего в пребывание «со духи праведны». В газетах – ошибкою – было, и опровержений не последовало. А было даже не о смерти, но уже о каком-то безобразии, якобы учиненном беспризорными или иными подсоветскими хулиганами над ее могилою на петербургском Волковом кладбище. Помню, я тогда еще подивился, как же это вышло, что мы, зарубежники, проморгали смерть такой замечательной, единственной в своем роде женщины и узнаем о ней только из заметки о кладбищенских беспорядках? Теперь оказалось – и Марью Валентиновну до срока уморило и похоронило, и на мнимой могиле ее дебоширило репортерское вранье. И только теперь – увы! – действительно «имею честь поздравить вас с новопреставленной!» – как выражается некто в одном из самых мрачных рассказов Бунина. Молодец, старушка! Долго уклонялась от смертной повинности: ведь кумир души ее, царь ее мыслей, друг и дитя ее кроткого сердца, Семен Яковлевич Надсон, умер в 1886 году, а она, пе-

режившая Надсона на полвека, была значительно старше его.

В общественной жизни Петербурга Марья Валентиновна всегда была весьма заметна. Но в преклонных годах своих она уже могла быть смело причислена к достопримечательностям града Петрова, наравне с Адмиралтейскою иглою, Медным всадником, Сфинксами Невской набережной. Ее, можно сказать, уже знатным иностранцам показывали как одну из тех семи праведных душ, без которых, по народной вере, ни один город не стоит. А уж грешному-то предреволюционному Питеру, конечно, не миновать было «провалиться в чухонское болото», что искони и пророчили ему славянофилы.

Не знаю, кого считать вровень с Марьей Валентиновной, остальными шестью петербургскими градоспасительными душами, но она была из праведниц праведница. Настолько, что, когда славянофильское пророчество почти что оправдалось и Питер ухнул если не прямо в «топь блат», то, не лучше, в грязь большевицкой лужи, даже неистовое зверство победителей-ленинистов не дерзнуло по-

сгнать на почтенные седины «сей остальной из стаи славной»...

А между тем кто в оробелом, порабощенном Петербурге острее и глубже ненавидел большевиков, бесстрашнее, громче, усерднее ругал их – да кабы за глаза, а то ведь прямо-хонько в глаза? Когда Марья Валентиновна принималась отчитывать большевиков и соглашателей, то близстоящие интеллигенты спешили незаметно рассеяться и улизнуть, дабы не угодить в Чеку уже за одно слышание ее продерзостей. Но обличаемые «кожаные куртки» только улыбались сквозь досаду и конфуз да плечами пожимали:

– Юродивая!

Так Иван Грозный не смел тронуть Василия Блаженного в Москве, бежал в смущении и страхе от Николы Салоса во Пскове, когда святой юрод предложил царю-человекоубийце кусок сырого мяса:

– Пожри, Ивашка, это твоя пища!

Большевики были отчасти правы: Марья Валентиновна была действительно «юродивою». Но не «Христа ради юродивою», а «юродивою революции ради». Эта женщина жила

и дышала старинным идеалом некой утопической революции, воображая ее с пафосом типической «семидесятницы», народницы-фанатички, воспитанной на Некрасове, подруги и няни Надсона. Всем нам, юным интеллигентам той эпохи, революция снилась грозною, но прекрасною богинею справедливости, восходящею на баррикады, с красным знаменем в одной руке, с правосудным мечом в другой, pour apporter la deliverance, pour apporter la liberie.

Но

*Шли годы. Вихрь страстей мятежный
Рассеял прежние мечты...*

Только не в Марье Валентиновне. Она свою лампаду, возженную пред революционным идеалом, несла неугасимо с 70-х годов XIX века по 30-е XX. Когда я встречался с нею, мне стоило лишь отвернуться, чтобы не видеть седых волос и старого лица, и я слышал опять, полвека спустя, голос и речи милых приятельниц моей ранней гимназической и первостуденческой юности, этих Евлалий

Ратомских, Рахилей Лангзаммер, Клавдий Му-
тузовых, мечтательных революционерок – и
идеалисток, которых типическую память я
пытался сохранить в своих «Восьмидесятни-
ках». А впрочем, Марья Валентиновна по эн-
тузиазму была, пожалуй, даже этих юниц
юнее.

Жарко желанная и нетерпеливо жданная
революция пришла, но – увы! – не поэтиче-
скою богиней-благодетельницей, а ведь-
мою-кровопийцей, грязною грабительницей
награбленного, развратною комсомолкою,
циническою психопаткою-садисткою на
службе Чека. Миллионы почитателей рево-
люции и упователей на золотой век шарахну-
лись прочь от нее в ужасе и отчаянии. Ужа-
сом и отчаянием исполнилась и М. В. Ватсон.
Но из ужаснувшихся и отчаявшихся подавля-
ющее большинство – сотни и сотни тысяч –
поняли ведьмоподобие революции как ис-
тинный ее образ, отвергли ее, сделались
«контрреволюционерами». На это «контр»
Марья Валентиновна не была способна.

В сказках бывает, что лукавая ведьма чара-
ми подменяет прекрасную невесту богаты-

ря-жениха своею безобразною и злою дочерью, и та свирепо торжествует, пока с жениха не спадет морока, не позволяющая ему распознать настоящую невесту, царь-девицу, от подложной, ведьмина отродья. В таком роде поняла безобразно пришедшую ведьму-революцию М. В. Ватсон. Народ-жених обманут, ослеплен, вместо революции-богини его обвенчали с фальшивою революцией-ведьмою. Но отвратительный подлог есть лишь искусственное затмение, а не уничтожение истины. Идеал же революции остался в глазах старой энтузиастки непоколебимым, храм ее все храмом, а кумир – даже не поверженным, но лишь загрязненным и запакощенным, хотя и до того густо, что мудреный труд – отмыть и очистить. Вроде – опять помяну Бунина – его «Поруганного Спаса».

Негодование, презрение, ненависть, закипевшие в героически сердобольной душе Марьи Валентиновны при зрелище ужасов большевицкого господства, обратились не на революцию, как то последовало за разочарованием в ней многих-многих, но на тех колдунов, которые обманули ожидателей револю-

ции дьявольским подлогом и покатили по России вместо богини на триумфальной колеснице Бабу-ягу в ступе: толкачом погоняет, метлой след замечает, катается-валяется на человеческих косточках, человеческого мяса поевши. Все обиды, – политические, социальные, религиозные, моральные, имущественные, – за которые ненавидят большевиков, разрушенное ими и продолжающее разрушаться русское общество для Марьи Валентиновны слились в общую свербиду – обиду революции. Что опозорили ее благородное имя, запятнали ее вековую славу, дегтем вымазали целомудренную репутацию, таким образом, сорвали веру в нее у испуганного ленинизмом и отвращением к нему исполнившегося мира.

Как раз дописав до этой точки, получил номер «Сегодня» с превосходным очерком, посвященным памяти Марии Валентиновны Н. М. Волковыским. Я мало знал ее, если, впрочем, можно было ее «мало» знать. Можно было не знать вовсе, но всякий, кто узнавал ее хоть сколько-нибудь, уже узнавал ее всю. Эта хрустальная, прозрачная до дна душа

не умела и не желала скрывать своих чувств, мнений, симпатий, антипатий. Высказывалась вся – и в самых определенных выражениях. Н. М. Волковыский привел в пример случай с Ясинским и другие безымянные, – как в ее присутствии решительно невозможно было соблюдать «анпарансы и конвенансы» по отношению к «большевизанам» (не говоря уже о большевиках) и соглашателям. Если же ей нравилось ваше слово или дело, она не страшилась закричать «браво» хоть одна наперекор целой враждебной аудитории.

Поразительно, до чего цепко и крепко сидела в ней «передовая девица», курсистка – «барашковая шапочка» 70-х годов, женский тип с картин Ярошенка, со страниц «Подпольной России» Степняка. Лично я познакомился с нею только в Доме литераторов, уже стариком с еще старшею старухой. Некоторые мои резкие выступления против большевиков заслужили мне ее благоволение, но однажды в разговоре она призналась, что сначала меня дичилась и «имела против меня зуб».

– За что, Марья Валентиновна?

– За то, что вы сотрудничали в «Новом вре-

мени».

– Марья Валентиновна, да ведь это еще в прошлом столетии – истекли уже две давности с лишком?! А с тех пор...

– Да, да, я знаю, а вот – нет-нет да и вспомню и осержусь.

Курьезнее всего, что к главной причине столь прочного озлобления Марьи Валентиновны против «Нового времени» – личной, помимо политических, – я не мог иметь никакого отношения. Как по времени, потому что пресловутая травля Бурениным ее друга Надсона вершилась ровно за шесть лет до моего сотрудничества в газете. Так и по взаимной нашей с Бурениным антипатии. В последний мой ново-временский год мы даже уже не раскланивались.

Если любвеобильное и доброты полное сердце Марьи Валентиновны на примере Буренина доказывало, что оно тоже умеет ненавидеть остро и прочно, то и Буренин, с своей стороны, терпеть ее не мог. Вообще-то, этот человек жил, говорил, действовал в хорошо выработанной маске высокомерного базаровского презрения к суждениям мира сего. Даже

испытывал удовольствие, когда своею печатного руганью доводил кого-либо до такого белого каления, чтобы тот, не стерпев наконец, принимался отругиваться столь же бесцеремонно и неразборчиво в средствах полемики. Любил иной раз снисходительно и свысока одобрить кое-кого из своих противников, впрочем, по преимуществу бессильных: примени Дорошевича он безмолвно зеленел. Но когда при Буренине упоминали о М. В. Ватсон, у него лицо перекашивалось.

Такая злоба в столь могущественном журналисте была тем страннее, что предмет-то ее был уж очень безобиден и малопомощен. Впрочем, может быть, именно потому и злился, что поздним стыдом маялся, зачем безобидную до мстительных чувств обидел и воплощенную доброту до ненависти дотравил. «Я, когда кого-нибудь обижу, никогда на того не сержусь», – острил, бывало, добродушный Дорошевич. В Буренине добродушия не было ни капли, хотя ему и нравилось изображать (в редакционных отношениях) «дон Алонзо Драго». Он обижал, злясь, а злое оскорбление, рая оскорбляемого, всегда шлет отдачу

и в сердце оскорбителя. Особенно когда по поговорке «связался черт с младенцем». Или как в «Идиоте», когда Гаврила Иволгин со злости на свою собственную дрянность дал ни за что ни про что пощечину князю Мышкину, и всем свидетелям стал тем противен, и слышит от грубого полумужика Рогожина:

– И не стыдно тебе, Ганька, такую овцу обидеть?

Все проходит на сем свете. В петроградском Доме литераторов мы, остатки разгоняемой и истребляемой интеллигенции, собирались, как при потопе звери на уцелевшую случайно скалу: пред водною опасностью зубатым и когтистым не до пользования зубами и когтями, беззубым и бескоготным не до памяти об укусах и царапинах. Буренин, больной, дряхло старый, полуразвалившийся от какого-то паралича, почти умирающий, тоже питался в столовке Дома литераторов. Мне не случалось с ним встретиться, но, говорили, был ужасно жалок. Любопытно, как они с Марьей Валентиновной встречались – и какими глазами должны были друг на друга смотреть! Вражды-то, конечно, в таких обсто-

ательствах уже не могло быть между двумя стариками. Но ведь и прощенные обиды и полученные прощения всегда оставляют и в душах, и в глазах обеих сторон нечто такое, что лучше им не слишком часто видеться и не слишком внимательно друг на друга заглядываться, на порванной однажды веревке, как ты ее ни связывай, узел остается! Великодушно простить – подвиг, но ведь и принимать великодушное прощение – тоже не легкая попытка для гордой души.

Я удостоился от Марьи Валентиновны похвал за энергичное противодействие большевицкому заигрыванию с Домом литераторов, имевшему целью втянуть нас в лжеблаготворительную комедию-ловушку пресловутого «Прокукиша». Мы оказались проницательнее и осторожнее москвичей, которых большевики, поймав на крючок «единства в человеколюбии», сперва ославили соглашателями, а затем, когда дело все-таки не выгорело, преспокойно разослали одураченных кандидатов на «единство» кого в Вятку, кого в Вытегру. Но зато жестоко влетело мне вместе с Верою Николаевной Фигнер, зачем мы не отсто-

или гражданские похороны Германа Александровича Лопатина от вмешательства большевиков.

Это верно, что не отстояли, но и нельзя было отстоять. Именно потому, что Лопатин откровенно ненавидел большевиков, а они его не смели тронуть как слишком популярного революционера, шлиссельбуржца, последнего вождя «Народной воли», личного друга Маркса и пр., и пр. Смольный решил, что публичных похорон Лопатина на общественный счет, без своего финансового участия и полицейского контроля, он не допустит. На заседании (под председательством В. Н. Фигнер), обсуждавшем этот вопрос, делегат от Смольного Анцелович дал понять весьма вежливо, но и столь же твердо, что всякая попытка обойтись без «революционного правительства» будет последним принята как открыто враждебная демонстрация и поведет к противодействию насильственными мерами. Превратить похороны в уличный скандал с кровопролитием, конечно, никому не было желательно. Оставался единственный выбор: или допустить вмешательство и присутствие

большевицких контролеров, или зарыть Германа Александровича в землю, с позволения сказать, как собаку, даже хуже, потому что – тайком от народа. На такой финал драмы великого революционера у нас, заседавших, не достало духа... Ну и грызла же нас за то – всех по совокупности и каждого порознь – беспощадная Марья Валентиновна! Поделом было!